

Котабо

**" Крыша, по которой бегут боги.
Полная версия : три шага к себе".**

Котабо Котабо

«Крыша, по которой бегут боги. Полная версия: три шага к себе»

<https://litres.ru/73995703>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды ночью, когда прошлое не спало, на потолке появилась трещина — и оттуда улыбнулась бесконечность. Так начинается путешествие. Крыша, где бегают воины в белых одеждах, где цветы хранят души, а страх приходит пить чай.

Три женщины. Три шага.

Анна — та, кто научилась умирать, чтобы родиться заново. Её оружие — цветы на подоконнике и тишина после капельницы.

Лена — та, кто боялась быть плохой дочерью, а стала проводником для чужих. Её поле боя — хоспис и материнство.

Алиса — та, кто пряталась в чёрной кожанке, пока не увидела белый свет. Её посвящение — ночной бег по шиферу и выбор между злостью и прощением.

Это повесть о том, что обыденное — священно, смерть — не конец, а ремиссия — отсрочка, чтобы ещё поливать цветы. О том,

как Дао прячется в мытье посуды, Кришна играет на флейте на подоконнике, а каждая слеза становится звездой.

«Крыша — это любое место, где ты перестаёшь бояться. Беги».

Для тех, кто когда-нибудь засыпал с тревогой, а просыпался с крыльями.

Содержание

Часть первая: «Крыша, по которой бегут боги»	5
Глава 1. Ночь, когда прошлое не спит	5
Глава 2. Воины на крыше	13
Школа в пустоте	14
Первый урок: удар, который не касается	17
Глава 3. Объятие без тела	21
Глава, которой не было в плане	23
Возвращение на крышу	24
Пробуждение	26
Глава 4. Мать-тьма рождает свет	28
Женский круг	32
Дао материнства	33
Глава 5. Бой с любимым	36
Поединок	38
Возвращение	42
Глава 6. Тайный танец	44
В бамбуковой роще	45
Глава 7. Болезнь и отчаяние	50
Дома	51
Пробуждение	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Котабо

«Крыша, по которой бегут боги. Полная версия: три шага к себе»

Часть первая: «Крыша, по которой бегут боги»

Глава 1. Ночь, когда прошлое не спит

Старое тело помнит всё. Даже когда голова говорит: «проработала, отпустила», — позвонки, рубцы, тот разрыв в левом подреберье, который ни один врач не нашёл, шепчут в полночь: *«А вот и мы»*.

Она лежала на боку, подтянув колени к животу — поза эмбриона, который не хочет родиться. За окном апрельская Москва шуршала шинами по мокрому асфальту, где-то внизу завывала сигнализация. Ей было пятьдесят три, а внутри, под рёбрами, ворочалась та самая двадцатитрёхлетняя — с подведёнными чёрными глазами, в кожанке на голое тело,

с бутылкой дешёвого портвейна в одной руке и телефонной трубкой в другой.

— Я тебя отпустила, — прошептала она в подушку. — Тысячу раз отпустила. На терапии, на расстановках, на том ретрите, где мы били подушками и рыдали в круг.

Двадцатитрёхлетняя не ответила. Она просто стояла в углу спальни — полупрозрачная, как дым от сигареты «Винстон», которой она дышала все девяностые. И улыбалась.

— Знаешь, мать, — сказала тень голосом, пропитанным потом и рок-клубом, — а ведь ты всё врёшь. Ты не отпустила. Ты просто научилась не смотреть в мою сторону.

— Уйди.

— Не могу. Я — это ты. А ты — это я, пока не умрёшь.

И тогда она сделала то, чему научилась за двадцать лет духовных поисков: **перестала бороться**. Она закрыла глаза и сказала мысленно: «Хорошо. Приходи. Только тихо. Мне завтра на работу».

Она провалилась в сон, как в старый колодец — не больно, но с отчётливым «бу-у-ух» на дне.

Первое пробуждение случилось через минуту (или через вечность). Она открыла глаза и увидела потолок: трещина, похожая на карту Африки, пятно сырости в углу. За стеной тикал холодильник. Тикал так ровно, что стало жутко: холодильники не тикают, они гудят или молчат.

«Это сон», — подумала она со странным спокойствием. И тут же потолок пошёл рябью, как вода в луже, если капнуть

сверху. Трещина превратилась в улыбку.

Не человеческую. Улыбку, у которой нет губ, но есть **бесконечность**.

Она видела это однажды в поезде Москва — Симферополь, когда случайный попутчик, лысый мужчина в майке-алкоголичке, сунул ей в руки книгу в жёлтой обложке. «Бхагавад-гита как она есть». Она тогда хихикнула, но прочитала всю ночь, пока стучали колёса. Наутро выбросила книгу в мусорку на вокзале. И всю жизнь помнила этот стих: *«Я — время, великий разрушитель миров»*.

Теперь время улыбалось ей с потолка.

— Не бойся, — сказало время. Или не сказало, а просто **стало этим звуком**, как если бы колокол ударил внутри её черепа. — Ты уже мёртвая. И живая. И не важно.

— Мне завтра на работу, — повторила она, и это было смешно даже во сне.

Второе пробуждение было тоньше. Она почувствовала вес одеяла — но одеяло пахло не её порошком, а жасмином и сухой глиной, той самой, какой пахнет в Индии после первого летнего дождя. Она подумала: «Где я?» — и поняла, что не знает, где у неё ноги, где руки. Тело ещё было, но размякло, как снег в марте, готовое течь.

— Это тоже сон, — сказала она уверенно. И в третий раз провалилась.

А третьего пробуждения уже не случилось.

Потому что **тело ушло**.

Сначала исчезли ноги. Просто — раз, и нет. Она не чувствовала ни пяток, ни коленей, ни того, как простыня щекочет бедро. Потом ушли спина и живот. Осталась только голова, парящая в темноте, как воздушный шар без верёвочки. Потом исчезла и голова.

Осталось **пространство**. Огромное, как ночное небо, но тёплое, как материнская ладонь. И в этом пространстве, подобно тому, как в снежном комке вдруг проступает лицо, начали рождаться образы.

Первым пришёл Кришна.

Но не тот, что с флейтой, не тот, что на открытках. А тот, который **размножен во все стороны**, как если бы кто-то взял его лицо и отразил в двух параллельных зеркалах, а потом эти отражения ожили и начали множиться сами. Тысячи Кришн, миллионы, каждый чуть иначе поворачивал голову, но все смотрели прямо на неё. И у всех была одна и та же улыбка — без начала и конца.

В ушах зазвучало, не перекрывая тишины:

«Небытие не переходит в бытие, бытие не переходит в небытие. Между ними нет границы. Тот, кто видит границу, видит сон» — она не помнила, из какой это книги, из Гиты или из Дао, но слова были твёрдыми, как галька на дне ручья.

— Ты думала, я умер? — спросил Кришна. Или не спросил, а просто стал этим вопросом. — Ты думала, Абсолют — это безличный свет, а? Ну, как лампочка Ильича? Горит

себе, никого не любит?

Она хотела ответить: «Нет, я так не думала, я думала...» — но не могла вспомнить, что именно она думала о Боге. Слишком много слов было сказано за пятьдесят три года. Слишком много книг, гуру, сеансов, практик. Всё это исчезло, осталось только чистое **удивление**.

— Я личность, — сказал Кришна, и от этой фразы пространство сжалось до размеров комнаты, а потом снова разлетелось, как галактика. — Это не значит, что я похож на человека. Это значит, что я могу ответить. Ты спросишь — я отвечу. Не потому, что я добрый или злой, а потому что таков закон любви: двое смотрят друг на друга и узнают.

— А кто второй? — спросила она. И с ужасом поняла, что не знает своего имени. Кто она? Женщина с болями в спине? Мать? Бывшая жена? Сотрудница офиса? Всё слетело, как старая краска со стены.

— Второй — это ты, когда перестаёшь бояться, — ответил Кришна. И исчез.

А вместо него по крыше её дома побежали воины.

Крыша была узнаваемая: серая, шиферная, с проржавевшими гвоздями и прошлогодним листом, застрявшим в водостоке. Дом стоял посреди ничего — ни улиц, ни фонарей, ни земли. Только крыша, ночное небо (чёрное, но усыпанное не звёздами, а маленькими улыбками) и бесконечный бег.

По шиферу, не скользя, не стуча, бежали **воины в белых одеждах**. Они были похожи на монахов из фильмов

про кунг-фу, которые она смотрела в молодости по видеокассетам из видеопроката. Но одежды у них были не рисовые, а какие-то светящиеся, как если бы снег научился двигаться. Они бежали не толпой, а россыпью — у каждого свой маршрут, своя скорость, но все вместе создавали узор, похожий на струящуюся воду или на танец листьев в воздухе.

Их движения были мягкими. Нечеловечески мягкими. Они делали подсечки, прыжки, удары ногами — но ни один удар не заканчивался жёстко. Всё распускалось, как цветок: удар превращался в объятие, прыжок — в поклон, падение — в колыбель.

Она смотрела на них откуда-то сверху (или сбоку, или изнутри) и вдруг осознала, что это и есть ответ на её ночную тревогу. **Боевые искусства без врага.** Вера в Абсолют, который улыбается, когда ты бьёшь, потому что знает: ты бьёшь по себе.

Один из воинов остановился. Повернулся к ней лицом.

У него были глаза её первого учителя — того самого дяди Лёши, который водил её на танцы в подвал ДК, пока не умер от инфаркта в туалете железнодорожного вокзала. Но глаза были не его. В них горела та самая бесконечность, что только что смотрела из улыбки Кришны.

— Ты плачешь? — спросил воин. — Но у тебя же нет тела. Значит, слёзы — это звёзды.

Она не плакала. Но пространство вокруг стало влажным и солёным.

— Кто вы? — спросила она.

— Мы — способ, которым Абсолют учится не драться. Мы — воины, которые забыли, что такое враг. Мы — твоё будущее, если ты перестанешь сжиматься.

Она хотела спросить про тень, про ту двадцатитрёхлетнюю в кожанке, которая стояла в углу спальни. Но воин поднял руку.

— Знаю, — сказал он. — Она ждёт тебя внизу. Но сначала ты должна научиться одному удару. Удару, который не причиняет боль.

— Как это возможно? — прошептала она.

Воин улыбнулся — и в этой улыбке мелькнул Кришна, Дао, её собственная мать, умершая десять лет назад, и та кошка, которую она сбила машиной в двадцать два года.

— Очень просто, — сказал воин. — Ты бьёшь не по телу. Ты бьёшь по **незнанию**. По той мысли, что ты одна. По той вере, что Абсолют тебя не слышит.

И он показал ей этот удар.

Она ничего не почувствовала — потому что у неё не было тела. Но где-то там, в том месте, где раньше было сердце, рассыпалась последняя заслонка. И в тот же миг она услышала голос своей тени — не злой, нет, скорее испуганный:

— Мама... ты что, правда меня прибьёшь?

— Нет, — ответила она. — Я тебя обниму. Приходи завтра. Или сегодня. Я больше не боюсь.

Пространство лопнуло, как мыльный пузырь. И она мягко

— ох, как мягко! — поплыла обратно в тело, ощущая сначала кончики пальцев, потом ладони, потом тяжесть в пояснице, потом кошачью шерсть на ногах.

Она проснулась в четвёртый раз. По-настоящему.

На подушке пахло жасмином и сухой глиной.

А на плече, там, где утром обычно болит от старого матраса, лежала маленькая тёплая ладонь. Невидимая. И что-то шептала.

Она не разобрала слов. Но поняла: это ученица пришла к учителю.

Или - наоборот.

Глава 2. Воины на крыше

Она не знала, сколько прошло времени. Секунда? Вечность? В этом месте без тела часы не тикали — они вращались, как галактики, медленно и с достоинством.

Крыша её дома всё ещё была под ногами (или под тем, что заменяло ей ноги). Шифер шершавил, в щелях застряли прошлогодние листья, и где-то слева зияла дыра — туда однажды, в реальной жизни, залетел футбольный мяч соседского мальчика, и она три дня выковыривала его шваброй. Сейчас мяча не было, но дыра осталась — как память.

Воин, который остановился, всё ещё смотрел на неё. Тот самый — с лицом дяди Лёши и глазами бесконечности.

— Ты готова? — спросил он.

— К чему? — Она попыталась пожать плечами, но плеч не было. Вместо этого пространство вокруг неё слегка колыхнулось — так рябит вода от брошенного камня.

— К школе. К первому уроку. К тому, чтобы перестать быть девочкой, которая боится, и стать воином, который помнит.

Она чуть не рассмеялась. Ей пятьдесят три. У неё варикоз, остеохондроз и двадцать лет офисной работы, после которой спина хрустит, как старая дверь. Какой она воин?

— Ты думаешь о теле, — сказал воин мягко. — Это ошибка. Тело — это первая ложь, которую мы учим как правду.

«Дао дэ цзин» говорит: *«То, что можно назвать именем, не есть истинное имя»*. Твоё тело — всего лишь имя, которое дали комку грязи и дыханию. Воин — это не тот, кто силён мышцами. Воин — это тот, кто увидел, что мышц не было.

И он поднял руку. Крыша под ними вздрогнула — не угрожающе, а скорее приветственно, как дверь, которая открывается в давно знакомую комнату.

— Идём, — сказал воин. — Школа ждёт.

Школа в пустоте

Они не шли — они *складывались*. Каждый шаг (хотя шагов не было) складывал пространство пополам, как лист бумаги, и в новом сгибе открывалась очередная комната. Или не комната — скорее, **состояние**.

Сначала была **зала зеркал**. Но зеркала не отражали лица. В каждом висела одна и та же цитата, написанная огненными иероглифами, которые горели, но не жгли:

«Человек, который думает: "Этот враг убил меня", а тот: "Я убил этого врага", — не знает, что ни убивает, ни бывает убитым».

(Бхагавад-гита, 2.19)

Она прочитала раз, другой. Смысл не укладывался. Как это — «не убивает»? В её бурной молодости были драки в подъездах, разбитые носы, однажды — нож, который она от-

няла у какого-то пьяного. Она точно помнила, что могла бы убить. Хотела.

— Ты помнишь, — сказал воин, идя рядом (хотя она не видела, как он двигается, он просто был то слева, то справа, то внутри). — Но память — это тоже зеркало. Ты смотришь в него и видишь убийцу. А я смотрю на тебя и вижу девочку, которая хотела защитить себя.

— Какая разница?

— Вот тут и начинается школа. Разница между *хотеть защитить* и *считать себя защитником*. Первое — природа. Второе — роль. Воин не играет ролей. Он просто дышит.

Они прошли (сложились) ещё в одно пространство. Здесь не было стен, только бесконечный пол из полированного камня, в котором отражалось небо. В центре сидел старик. Не китаец, не индеец, а так — просто старик, с белой бородой и глазами, которые смотрели внутрь себя.

— Это учитель, — сказал воин и исчез.

— Садись, — сказал старик. У него был голос, похожий на сухие листья: шуршащий, тёплый, чуть грустный.

— У меня нет тела, — ответила она. — Как я сяду?

— А ты не думай о сидении как о сгибании коленей. Сидение — это состояние, когда низ и верх договариваются не спорить. Твоя голова, которая сейчас не голова, и твои ноги, которых нет, и так не спорят. Так что ты уже сидишь.

Она хотела возразить, но поняла, что он прав. Что-то в ней действительно *село* — опустилось, успокоилось, перестало

дёргаться.

— Хорошо, — сказал старик. — Первый урок. Ты знаешь, почему воины в белых одеждах не пачкаются?

— Потому что... это сон?

— Нет, потому что для них грязи не существует. *«Без действия — нет вещей, без вещей — нет действия»*, — процитировал он, и она узнала «Дао Дэ цзин», главу вторую. — Грязь становится грязью только тогда, когда ты говоришь: «Это грязь, она пачкает». А если ты перестанешь давать имена? Белое останется белым не потому, что чистое, а потому что не сравнивает себя с чёрным.

Старик встал. Это было странно — он не поднимался, а *вырастал*, как дерево из земли, но без резкости.

— Твоя тень, — сказал он, и в голосе появилась сталь, — та девушка в кожанке. Ты думаешь, она враг? Ты думаешь, её надо победить?

— Меня учили интегрировать тень, — осторожно сказала она. — Принять.

— Интегрировать. Принять. Слова. — Старик махнул рукой, и в воздухе повисла новая цитата, на этот раз санскритом, но она почему-то поняла смысл:

«Как ветер уносит корабль по воде, так и ум, увлечённый блуждающим чувством, уносит разум».

(Бхагавад-гита, 2.67)

— Ты пытаешься принять тень *головой*. Ты сидишь на те-

рапии и говоришь: «Да, я была такой, я прощаю себя». Но в твоей пояснице, — тут старик ткнул пальцем в пустоту, и она вдруг ощутила тянущую боль там, где раньше была поясница, — в пояснице всё ещё живёт та драка в подъезде. Ты не приняла тень. Ты её *законсервировала*.

Она замолчала. Он был прав. О, как он был прав.

— Поэтому ты пришла в Школу в пустоте, — сказал старик уже мягче. — Здесь мы не принимаем. Мы *растворяем*. Не через борьбу, а через танец. Хочешь посмотреть?

Она кивнула — и тут же поняла, что кивок был настоящим. У неё снова появилась голова! Маленькая, легкая, как воздушный шарик, но своя.

— Не радуйся, — усмехнулся старик. — Это учебное тело. Мы его даём на время занятий. Сломаешь — починим, потеряешь — найдём. Но помни: «*Тот, кто живёт, не цепляясь за места, не может быть куплен или продан*» (Дао дэ цзин, 44). Твоё тело — не собственность. Просто инструмент.

И он хлопнул в ладоши.

Первый урок: удар, который не касается

Пространство вокруг раздвинулось, и они оказались на поляне. Вокруг росли бамбуки, но бамбуки были прозрачными — сквозь них просвечивали звёзды. Посередине стоял **манекен**. Не боксёрская груша, а человеческая фигура,

сделанная из белого света.

— Это твоя тень, — сказал старик. — Но пока она неподвижна. Ударь.

— Я не умею.

— Умеешь. Ты пятьдесят три года только этим и занималась. Каждое утро, когда ты вставала с мыслью «надо», ты била свою усталость. Каждый вечер, когда ты улыбалась детям сквозь боль, ты била своё отчаяние. Каждый раз, когда ты прощала того, кто тебя предал, ты била свою обиду. Ты грандмастер скрытых ударов. Теперь просто сделай это осознанно.

Она подошла к манекену. Вблизи он оказался не белым, а *мерцающим* — внутри него мелькали сцены из её жизни: вот она в шестнадцать в подворотне, вот она рождает, вот она стоит на коленях перед гробом матери. В центре, в районе груди, пульсировал тёмный сгусток. Та самая двадцатитрёх-летняя.

— Я не хочу бить, — сказала она. — Я хочу обнять.

— Обнять — это следующий урок. Сначала бей. Потому что ты не можешь обнять то, чего боишься. А ты боишься. Признай это.

Она подняла руку. Ладонь была маленькой, морщинистой, с набухшими венами — точь-в-точь её настоящая рука. Она занесла её для удара, но в последний момент почему-то вспомнила строку из «Дао дэ цзин» (сороковая глава):

«Возвращение к корню — это движение покоя; возвраще-

ние к жизни — это движение смерти».

И вдруг поняла: удар — это не насилие. Удар — это *возвращение к корню*. Тот сгусток в груди манекена — это ведь тоже часть её корня. Та двадцатитрёхлетняя — не враг, а просто корень, который вырос криво из-за того, что почва была каменистой.

Она ударила. Легко, почти невесомо.

Манекен взорвался. Не кроваво, а **цветочно** — из него вылетели тысячи лепестков сакуры, которые закружились в воздухе и осели на её волосах (у неё были волосы! тоже учебные).

— Неплохо для первого раза, — сказал старик, отряхивая плечо. — Но это была лишь разминка. Настоящий бой начнётся, когда твоя тень ответит.

— Она умеет отвечать?

Вместо ответа старик указал пальцем куда-то вдаль. Там, за прозрачными бамбуками, стояла фигура. Чёрная, плотная, с сигаретой в зубах.

Двадцатитрёхлетняя.

— Привет, мать, — сказала тень. — Ну что, поиграем? Только теперь без терапии. Без расстановок. Без «я тебя принимаю». Просто ты и я. И крыша, которая помнит всё.

Старик улыбнулся и растаял, как утренний туман. Последними исчезли его глаза — они висели в воздухе на секунду дольше, и в них горела та же бесконечность, что в улыбке Кришны.

— «Будь твёрд и спокоен, о Арджуна, и сражайся, не зная радости победы и горечи поражения», — прошептали его исчезающие губы. Это была Гита, глава 2, стих 38.

Она осталась одна на поляне с прозрачными бамбуками. И с тенью, которая медленно шла к ней, стряхивая пепел на учебную землю.

— Ты знаешь, — сказала тень, подходя почти вплотную, — я ведь не злая. Я просто очень хочу жить. А ты меня всё время прячешь. В поясице. В мигрени. В той пачке снотворного, которую ты держишь в тумбочке на всякий случай.

— Я не прячу, — ответила она, и голос её не дрожал. — Я просто ждала, когда научусь говорить с тобой не как с врагом.

— И научилась?

— Кажется, да.

Тень остановилась. Её чёрные глаза, подведённые не по моде, а по безнадёжности, вдруг наполнились слезами.

— Тогда обними меня, — сказала тень. — По-настоящему. Не как учительница на тренинге. А как мать, которая родила меня и выбросила на помойку девяностых.

И она, эта пятидесятитрёхлетняя женщина, которая так долго училась не бояться, шагнула вперёд.

Но это будет уже в следующей главе.

Глава 3. Объятие без тела

Она шагнула вперёд — и поняла, что не знает, как обнимают тень. Руки у неё были (учебные, подаренные школой на время), но тень не имела плотности. Когда ладони коснулись чёрного дыма, они прошли сквозь, как сквозь утренний туман.

— Не так, — сказала тень голосом, в котором колыхались все двадцать три года боли. — Ты пытаешься обнять меня как тело. А меня нет. Я — воспоминание, которое стало самостоятельным.

— Как тогда? — прошептала она.

— Перестань быть телом. Вспомни, где мы. Мы не на поляне. Мы в пустоте. Твои руки — не руки. Твоя грудь — не грудь. Всё, что у тебя есть, — это **намерение обнять**. Сделай это.

Она закрыла глаза. Учебное тело растворилось — сначала пальцы, потом запястья, потом тяжесть в плечах. Она снова стала пространством, полем, чистым листом. И в этом листе, как чернильная капля на промокашке, расплывалась чёрная фигура.

Она **потянулась** к ней. Не рукой, а всем тем, что осталось от сознания. Протянула, как протягивают руку тонущему с берега — но берега не было, был только тонущий и желание.

Тень вздрогнула. Чёрный дым начал светлеть, из него про-

ступили черты: молодое лицо, испуганные глаза, сигарета, зажата в дрожащих пальцах.

— Зачем? — спросила тень. — Зачем тебе это? Я испортила тебе жизнь. Из-за меня ты боялась мужчин, пила, дралась, дважды лежала в больнице с отравлением.

— Нет, — ответила она из пустоты. — Из-за тебя я вышла. Ты была моим огнём, когда не было тепла. Ты была моей стеной, когда не было дома. Ты — не враг. Ты — моя юность, которую я стыдилась.

И они **встретились**. Не телами — потому что тел не было. А тем, что древние китайцы называли *ци* — дыханием жизни, а индийцы — *праной*. Тьма и свет столкнулись, но не разбились, а переплелись, как две реки, которые помнят, что были одним руслом до того, как земля расступилась.

Тень заплакала. И её слёзы были странными — они не текли по щекам, потому что щёк не было. Они *звучали*:

«Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает» (Дао дэ цзин, 56).

И этот звук был сродни тишине. Она обняла тень крепче (как можно обнять без рук? она сама не знала, но получалось), и в этот миг что-то переключилось. Чёрная фигура начала мерцать, как лампочка перед тем, как загореться.

— Мама, — вдруг сказала тень другим голосом. Тонким. Детским. — Мама, почему ты не дала мне родиться?

Глава, которой не было в плане

Она замерла. Вся пустота вокруг замерла. Даже бамбуки перестали быть прозрачными и стали просто бамбуками, зелёными и шумящими.

Перед ней стояла уже не двадцатитрёхлетняя дебоширка. Перед ней стояла **девочка лет семи** — в белом платьице, с бантами, которые она никогда не носила в реальной жизни. Девочка была полупрозрачной, как воспоминание о воспоминании.

— Кто ты? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Я та, кого ты убила, — сказала девочка. — В двадцать лет. В той самой общаге, с той самой вешалкой. Ты тогда сказала: «Не сейчас, я не готова». И я послушалась. Но я не ушла. Я стала той злой девчонкой в кожанке, которая пила и дралась. Потому, что если я не могу быть твоим ребёнком, я буду твоей болью.

Ей стало нечем дышать. Но у неё же не было лёгких — откуда эта тяжесть?

— Я... — начала она и замолчала. Что можно сказать? «Извини»? «Прости»? Все слова были мёртвыми, как пластиковые цветы на могиле.

— В Дао дэ цзин, — сказала девочка, и голос её был взрослым, хоть и тонким, — написано: *«Рождая, не обладать. Действуя, не присваивать. Развивая, не властвовать»*. Ты

родила меня, но не смогла не обладать. Ты испугалась, что я отниму твою свободу. А я и не собиралась отнимать. Я просто хотела быть рядом.

Она упала на колени. У неё снова появилось тело — на этот раз настоящее, старое, больное, с варикозом и остеохондрозом. Но она упала не от боли, а от того, что земля поднялась ей навстречу.

— Дочка, — сказала она. — Моя девочка.

— Да, — ответила девочка. — Можно я теперь побуду немного? Не как боль, а как... ну, как цветок в горшке на подоконнике. Я буду маленькой. Не буду мешать.

— Ты никогда не мешала. Это я мешала себе тебя любить.

И тогда произошло чудо, которого нет ни в одной книге по психологии. Девочка не растворилась и не «интегрировалась». Она **села на землю** рядом с ней, прислонилась головой к её плечу и затихла. Настоящая. Тёплая. Живая.

— Я останусь здесь, — сказала девочка. — На крыше. С воинами. Пойдём, покажешь мне их?

Возвращение на крышу

Она поднялась. Колени болели, но это была хорошая боль — боль настоящей земли, настоящего шифера под ногами.

Поляна исчезла. Бамбуки исчезли. Они снова стояли на крыше её дома — старой хрущёвки, под звёздным небом. И по крыше всё так же бежали воины в белых одеждах.

— Смотри, — сказала она девочке. — Это те, кто забыл, что такое враг.

— А я для них враг? — спросила девочка.

Вместо ответа один из воинов — тот самый, с лицом дяди Лёши и глазами бесконечности — подбежал к ним, остановился, низко поклонился девочке и сказал:

— Ты — самая лучшая ученица. Потому что ты научила свою мать плакать без слёз.

И воин протянул девочке руку. Девочка посмотрела на неё, посмотрела на мать.

— Можно? — спросила она.

— Можно, — ответила она. — Только приходи иногда. На подоконник. Как цветок.

Девочка улыбнулась — той улыбкой, которую можно увидеть только во сне, если очень повезёт. Взяла воина за руку, и они побежали по крыше вместе. Белое и белое, только одно большое, другое маленькое. Скоро они смешались с другими воинами, и различить их стало невозможно.

Она осталась одна. Под ногами — шифер. Над головой — небо, полное маленьких улыбок, похожих на звёзды.

И вдруг из ниоткуда пришёл голос. Не старика, не воина, а **Кришны** — того самого, размноженного до бесконечности:

«Из всех йогов тот, кто с верой пребывает во Мне, с внутренним "Я", погружённым в Меня, — тот, по Моему мнению, самый близкий» (Бхагавад-гита, 6.47).

— Ты сделала это, — сказал голос. — Ты обняла то, что

нельзя обнять. Ты родила то, что нельзя родить. Теперь твоя тень стала твоим ребёнком, а ребёнок — твоим учителем.

— А как же войны? — спросила она. — Я теперь тоже воин?

— Ты всегда была воином, — ответил Кришна. — Просто ты думала, что воин — это тот, кто бьёт. А воин — это тот, кто впускает.

Она хотела спросить ещё, но поняла, что больше не нужно. Слова кончились. Осталось только чувство — чистое, как белая одежда, и мягкое, как возвращение из сна.

Пробуждение

В этот раз она не просыпалась. Она **вернулась**.

Тело нашлось само — сначала тяжесть в ногах, потом тепло кошки на животе, потом запах утреннего кофе из соседней квартиры. Открыла глаза. Потолок был тем же: трещина, похожая на карту Африки, пятно сырости в углу.

Но на подоконнике, там, где обычно стояли фиалки, появился новый цветок. Маленький, белый, с тонким стеблем. Она не покупала его. И фиалок таких не бывает.

Она села на кровати. Кошка зевнула. Где-то внизу кто-то заводил старую «Ниву».

— Привет, — сказала она цветку.

Цветок чуть покачнулся, хотя окно было закрыто.

И она улыбнулась — в первый раз за долгое время не

сквозь зубы, а всем лицом, всеми морщинами, всеми пятьюдесятью тремя годами, которые перестали быть грузом и стали просто *возрастом*, как у дерева — кольца, которые не болят.

Она встала. Варёная колбаса на завтрак. Работа к девяти. Никто не узнает, что этой ночью она стала воином. Никто не увидит девочку на подоконнике. И это правильно. Потому что, как сказано в «Дао дэ цзин» в главе 17:

«Когда работа сделана и дело свершилось, люди говорят: "Это случилось само собой"».

Да. Само собой.

Глава 4. Мать-тма рождает свет

Утро после той ночи было странным. Она сидела на кухне, пила кофе с молоком — тот самый, растворимый, из банки с отбитой крышкой. Напротив, на подоконнике, стоял белый цветок. Она уже не проверяла, откуда он взялся. Просто иногда, пока закипал чайник, она смотрела на него и чувствовала, как в груди разливается не боль, а **тихое присутствие**.

Кошка тёрлась о ноги. За окном шёл мелкий апрельский дождь.

— Сегодня я хочу поговорить с мамой, — сказала она вслух. Кошка подняла голову, но промолчала. Мама умерла десять лет назад. Рак поджелудочной. Три месяца угасания в больнице, где пахло хлоркой и надеждой, которая таяла быстрее, чем лёд на солнце.

Она не плакала на похоронах. Сказала себе: «Я уже всё оплакала, когда ей ставили диагноз». Это было ложью, но ложь помогала жить.

Она закрыла глаза. Не для того, чтобы уснуть, а для того, чтобы **вспомнить**. И вдруг — без всякого перехода, без «сначала ноги, потом тело» — она снова оказалась в пустоте.

Только пустота была другой. Не чёрной и не светлой, а **серой**, как предрассветное небо над морем. И пахло не жасмином, а дешёвым стиральным порошком «Лотос» — тем самым, которым мама стирала её школьную форму.

— Здравствуй, дочка, — сказал голос из серости.

Она не испугалась. После вчерашней встречи с тенью и neroждённой девочкой она готова была к чему угодно.

— Здравствуй, мама.

Из серости выступила фигура. Не такая яркая, как воины, не такая бесконечная, как Кришна, а **простая**: женщина лет шестидесяти, в домашнем халате, с вечно усталыми глазами и руками, которые пахли луком и тестом. Мама.

— Ты изменилась, — сказала мама. — Старше стала. Морщин прибавилось.

— Я всегда старею, мама. Ты просто не видела.

— Не видела, — согласилась мама. — Потому что умерла.

Они помолчали. В серости не было ни звука, но тишина была плотной, как вата.

— Зачем ты пришла? — спросила она. — Ты же не верила ни в Бога, ни в душу. Ты говорила: «Умрёшь — и трава не расти».

— Я и сейчас не верю, — усмехнулась мама. — Но это не мешает мне быть здесь. Ты знаешь восьмидесятую главу «Дао дэ цзин»?

— Нет.

— А зря. Там сказано: «Пусть люди снова вернуться к узелковому письму, будут наслаждаться своей пищей, ценить свою одежду, довольствоваться своим жильём, радоваться своим обычаям». Я пришла не как душа. Я пришла как **узелок**, который ты завязала у себя в груди и так и не развязала.

Она хотела возразить, но мама подняла руку — и в этом жесте вдруг проступил воинский выверт, которого не было при жизни.

— Не спорь, — сказала мама. — Ты всю жизнь боялась стать как я. Жить в халате, стирать носки, ждать мужа с работы, не иметь своего угла. Ты в пятнадцать лет поклялась: «Я не буду такой». И стала другой. Работа, карьера, свобода. Драки, портвейн, мужчины, которые уходят. Но внутри ты всё равно стала мной. Потому что проклятие не в том, чтобы повторять судьбу, а в том, чтобы **бороться с ней**.

— Я не борюсь! — почти выкрикнула она. — Я проработала!

— Проработала? — Мама покачала головой. — Дочка, работают лопатой. А ты просто перекладывала камни из одной кучи в другую. Тень ты обняла — молодец. Нерождённую девочку приняла — хорошо. Но меня ты так и не простила.

— За что? За то, что ты меня родила в нищете? За то, что не защитила от отца-алкоголика? За то, что умерла и оставила меня одну?

— Вот именно. За это. Не за то, что ты сделала. А за то, что я не сделала.

Она замолчала. Серость вокруг стала гуще, как будто вот-вот пойдёт снег.

— В «Бхагавад-гите», — сказала мама тихо, — есть такие слова: *«Никто не становится свободным от действия, даже на мгновение»* (3.5). Ты думала, что свобода — это когда

ты перестаёшь быть моей дочерью. А свобода — это когда ты перестаёшь бояться этой связи. Я была плохой матерью, да. Но я любила тебя. Не так, как ты хотела. А так, как умела.

— Любила? Ты меня била.

— Била. А ещё кормила, лечила, в школу собирала. Всё сразу. Ты хочешь, чтобы я была только чёрной? Или только белой? А я серая. Как это небо. Как твоя жизнь. Как все матери.

Она вдруг почувствовала, как что-то отпускает в солнечном сплетении. Клубок, который сидел там тридцать лет, стал распускаться. Не резко, а **мягко**, как вчерашнее пробуждение из сна.

— Что мне делать? — спросила она.

— Ничего, — сказала мама. — *«Следуй Дао, не делая ничего — тогда не останется ничего несделанным»* (Дао дэ цзин, 48). Просто будь. И когда будешь стирать свою кофту, вспоминай, как я стирала твою форму. И не жалея. Не надо.

Мама шагнула к ней. Обняла. На этот раз обнять получилось — не потому, что у неё были руки, а потому что **мама тоже была без тела**. Два пространства встретились, два облака серости слились в одно.

— Я люблю тебя, — сказала она в мамино плечо. Того, что было плечом, уже не было, но привычка осталась.

— Знаю, — ответила мама. — Теперь знаю.

И она проснулась. Не рывком, а **мягко**, как прошлый раз. Кофе остыл. Кошка спала на столе — туда ей было нельзя,

но она уже старая, пусть.

На подоконнике, рядом с белым цветком, стоял второй. Маленький, серый, похожий на полынь.

Она не удивилась.

Женский круг

В тот же день, после работы, она пошла в гости к подруге Лене. Лена была её ровесницей, тоже седой, тоже с больной спиной, тоже одна. Они пили чай с вареньем и молчали.

— Лен, — сказала она. — Ты боишься смерти?

Лена отставила чашку.

— Боюсь, — сказала она просто. — Не боли. А того, что меня не будет. Что внучка вырастет, а я не увижу.

— А если смерть — это не исчезновение, а **рождение в другую форму?**

Лена пожала плечами.

— Я в это не верю. Но иногда, когда засыпаю, кажется, что кто-то стоит в углу. Не страшный. Просто стоит. И ждёт.

— Это может быть твоя мама.

— Моя мама умерла в шестнадцать лет. Я её почти не помню.

— Она всё равно ждёт.

Лена посмотрела на неё долгим взглядом.

— Ты изменилась, — сказала Лена. — С тобой что-то случилось?

— Случилось. Я научилась обнимать пустоту.

Лена хотела спросить ещё, но не спросила. Женщины после пятидесяти понимают друг друга без слов. Они допили чай. Лена показала новые фотографии внучки. Потом она ушла, а по дороге домой, в переходе метро, увидела молодую девушку в кожанке, с чёрными глазами, которая грызла семечки и смеялась с парнем.

Она прошла мимо. Не вздрогнула. Не обернулась. Только улыбнулась про себя: **«Здравствуй, прошлое. Ты уже не болишь»**.

Дао материнства

Дома она села на диван, взяла с полки книгу «Дао дэ цзин» (старую, в жёлтой обложке, найденную когда-то в поезде Москва—Симферополь). Открыла наугад. Глава 25:

«Человек следует законам Земли. Земля следует законам Неба. Небо следует законам Дао. А Дао следует самому себе».

Она задумалась. Если Дао следует самому себе, значит, у него нет матери. И нет отца. Оно само себе и мать, и отец, и дитя. Как та девочка на подоконнике, которая стала цветком.

Она взглянула на белый цветок. Цветок чуть наклонился в её сторону.

— Ты мой учитель, — сказала она. — Маленький мой учитель.

И вдруг, в тишине вечера, она услышала не голос, а **пульсацию** — ту самую, которую чувствовала в утробе матери, когда была ещё не рождена. Ритм. Дыхание без лёгких.

Это была не память. Это было **прямое знание**: она никогда не умирала. Тела меняются, как одежда, а то, что помнит пульс, — вечно.

Она легла на диван, прикрыла глаза. Во сне или не во сне — она уже не различала. Перед внутренним взором проплыли женщины: её мать, бабушка, прабабушка, все, кто рождал, терял, любил, ненавидел, прощал. Они стояли в ряд, взявшись за руки, и смотрели на неё.

— Мы — твои корни, — сказала прабабушка, которую она знала только по чёрно-белой фотографии. — Без нас ты была бы листом на ветру.

— А я — ваш цветок, — ответила она. — Который распустился через поколения.

И все они улыбнулись. Улыбка была одна на всех — та самая, бесконечная, которую она впервые увидела на потолке, когда Кришна смотрел на неё из трещины.

— Теперь ты готова, — сказала самая старшая, похожая на сухой корень. — Готова к следующему уроку.

— Какому?

— **Бой с любимым.**

И видение исчезло.

Она открыла глаза. За окном темнело. Цветы на подоконнике — белый и серый — слабо светились в сумерках.

Бой с любимым. О ком это? О том мужчине, который ушёл двадцать лет назад? О сыне, который вырос и перестал звонить? О себе самой, с которой она только начала мириться?

Ответа не было. Только мягкий шёпот, похожий на дыхание кошки:

«В бою побеждает тот, кто не хочет побеждать» (Дао Дэ цзин, 69).

— Завтра, — сказала она в темноту. — Завтра я узнаю.

И она уснула — без сновидений, глубоко, как в детстве, когда мама поправляла одеяло и целовала в макушку.

Глава 5. Бой с любимым

Она проснулась от того, что кто-то смотрел. Не угрожающе, а **вопросительно** — как смотрят на дверь, за которой, может быть, кто-то есть.

Ночь ещё не кончилась. За окном висела луна, худая, как серп, и в её свете белый и серый цветы на подоконнике отбрасывали длинные тени. Кошка спала в ногах.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала она шёпотом.

Тишина сгустилась. А потом из угла, где обычно стоял шкаф, вышел **он**.

Высокий, седой, с морщинами вокруг глаз — теми самыми, которые появляются у людей, много смеявшихся, а потом вдруг переставших. В прошлом он был её мужем. Двадцать лет назад они развелись — громко, с битьём посуды и словами, которые не забудешь никогда. Потом он женился на другой, она — не вышла замуж больше. Иногда они сталкивались в супермаркете, кивали и расходились. Ни разу не поговорили по-настоящему.

— Это сон? — спросила она.

— Не знаю, — ответил он. Голос был тот же — низкий, с хрипотцой, который когда-то казался ей самым родным на свете. — Я думал, что сплю. А потом оказался здесь. На твоей кухне. Ты... постарела.

— Ты тоже.

Они помолчали. Луна скользнула по его лицу, и она увидела, что глаза у него **не его**. В них горела бесконечность — та самая, которую она уже узнавала.

— Ты не совсем он, — сказала она. — Ты — то, что он во мне оставил.

Мужчина (или то, что пришло в его облике) кивнул.

— Верно. Я — твой непрощённый долг. Твоя обида, которую ты носила в левом боку. Твоя фраза «больше никогда», которую ты повторила тысячу раз. Я — тот, кого ты не смогла ни забыть, ни простить.

— Я простила, — сказала она. — Давно.

— Ты сказала себе «простила». Но в животе, там, где когда-то росла наша дочь, — помнишь? ту, которую мы потеряли на пятом месяце? — там до сих пор сидит **ком**. Не обида. Ком. Имя ему — «зачем ты меня оставил, когда я была в крови».

Она закрыла глаза. Да. Был выкидыш. Была больница. Он пришёл один раз, принёс мандарины и сказал: «Ну, ничего, родим ещё». А потом ушёл к той, другой. И она лежала одна в палате на третьем этаже, смотрела на дождь за окном и знала: **больше никогда**.

— Чего ты хочешь? — спросила она, открывая глаза.

— Не я. Ты. Ты захотела боя. Настоящего. Не с тенью, не с мамой, а с тем, кого любила. Потому что любить и проигрывать — это самое трудное боевое искусство.

— Какое ещё боевое искусство? Я простая женщина.

— Простых нет, — ответил он. — Есть те, кто спит, и те, кто дерётся. Хочешь проснуться по-настоящему — сра- зись со мной. Без правил. Без «я тебя прощаю». Без терапии. Просто мы. Двое. Которые когда-то любили друг друга.

Она встала с кровати. Тело слушалось легко, без боли — как будто она снова была молодой, но не той, двадцатитрёх- летней, а какой-то новой, *обученной*. Кошка даже не просну- лась.

— Где?

— На крыше.

Поединок

Они стояли на шифере под луной. Воинов в белом не бы- ло. Только ветер, только звёзды, похожие на улыбки, и ти- шина, в которой каждый звук был бы кошунством.

Он скинул пиджак — откуда пиджак? — остался в про- стой белой рубашке. Она стояла в своей ночной сорочке, бо- сиком.

— Ты не умеешь драться, — сказал он.

— Я умею, — ответила она. — Я училась двадцать лет. Удару, который не касается.

— Покажи.

Она сделала шаг вперёд. Не для удара, а для объятия — но на полпути изменила траекторию, превратив движение в **круг**. Круг обогнул его плечо, не задел, но он чуть покач-

нулся.

— Что это? — спросил он.

— Ци, — сказала она. — Дыхание. Ты думаешь, что бой — это кости и мышцы. А бой — это намерение. Я намеревалась тебя обнять. Но боялась, что ты оттолкнёшь. Поэтому мой круг стал половинчатым.

— А теперь? — Он шагнул к ней, поднял руку — не для удара, а для касания. Ладонь замерла в сантиметре от её щеки. — Теперь ты боишься?

— Нет, — сказала она. — Потому что я поняла. Ты не тот, кто ушёл. Ты тот, кто остался. В моём левом боку. В моём коме. В моей фразе «больше никогда». Ты — моя **любовь**, которую я заморозила, чтобы не мёрзнуть самой.

Она подняла свою руку и вложила её в его ладонь, которая так и висела в воздухе. Пальцы встретились — холодные, старые, костистые. Она сжала их.

— Удар, — сказала она, — это когда я говорю «прощаю», а внутри думаю «никогда». А настоящий бой — это когда я говорю «я любила тебя» и не добавляю «но».

Он вздрогнул. Его лицо — лицо бывшего мужа — стало меняться. Морщины разгладились, седина потемнела, и на мгновение она увидела того молодого парня, которого встретила в тридцать лет: в джинсах, с гитарой, с улыбкой, обещающей вечность.

— Я тоже любил, — сказал он. — Но я был трусом.

— И я была трусихой. Два труса встретились и разбежа-

лись. Это не трагедия. Это опыт.

— А теперь?

Она отпустила его руку, отступила на шаг и встала в стойку — не боевую, а **танцевальную**. Ноги на ширине плеч, руки раскрыты, как крылья.

— А теперь, — сказала она, — **бой**. Но не на поражение. На **узнавание**.

Он понял. Он тоже встал в стойку — такую же, не агрессивную, а открытую.

Они двинулись друг к другу. Медленно, как в воде. Каждый шаг был проверкой: «Ты помнишь?», каждый взгляд — вопросом: «Ты всё ещё злишься?».

Первый контакт: его плечо коснулось её плеча. Не больно, а **электрически** — как будто искра между сухой тканью.

— Помнишь, как мы стояли на кухне и ты обнимал меня сзади? — спросила она, не останавливаясь.

— Помню, — ответил он. И сделал выпад — мягкий, почти воздушный.

Она уклонилась, повернулась вокруг своей оси, и в этом кружении вдруг увидела **всю их жизнь**: первый поцелуй в подъезде, свадьбу в синем платье, ссору из-за денег, больницу, пустую комнату, развод, его спину в дверях.

— Стоп, — сказала она.

Он замер.

— Я больше не хочу драться. Я хочу просто... постоять.

Они стояли на крыше, под луной, в метре друг от друга.

Ветер трепал её седые волосы и его рубашку.

— В «Бхагавад-гите», — сказала она тихо, — есть такие слова: *«Кто находит радость внутри себя, удовольствие внутри себя, и точно так же свет внутри себя — тот йог достигает Брахмана, становясь одним с Брахманом»* (5.24).

Я всегда думала, что это значит — быть одной. Никого не нужно. А теперь понимаю: быть одним — не значит быть одному. Это значит быть **целой**. А в цельность входишь и ты тоже. Не как муж, который бросил. А как урок, который научил меня не бояться одиночества.

Он опустил руки. Его лицо снова стало лицом старого, уставшего человека.

— Можно, я попрошу у тебя прощения? — спросил он.

— Не надо, — ответила она. — Давай лучше попроса- емся. По-настоящему. Не как в супермаркете, а как на этой крыше.

Он кивнул.

Она подошла к нему, положила ладонь на его грудь — туда, где сердце. Он положил свою ладонь на её затылок.

— Я отпускаю тебя, — сказала она. — В Дао дэ цзин говорится: *«Кто умеет побеждать врага, не сражаясь, — тот силен»* (глава 68). Ты не враг. Ты — кусок моего сердца, который выпал. Но сердце выросло новое.

— Я тебя недостоин, — прошептал он.

— Это не важно. Важно, что я достойна себя. Иди.

Он начал таять. Не как снег, а как туман над рекой — мед-

ленно, красиво, без страха. Последним исчезло его лицо, и в момент исчезновения она увидела в его глазах ту же бесконечную улыбку, что и в глазах Кришны.

— Ты всегда была воином, — донёсся шёпот. — Просто думала, что воин — это тот, кто бьёт. А воин — это тот, кто отпускает.

Крыша опустела.

Возвращение

Она открыла глаза. Лежала на диване, кошка не проснулась. На часах было три ночи. Цветы на подоконнике светились чуть ярче обычного — белый и серый, и теперь к ним добавился третий. Маленький, синий, похожий на незабудку.

Она улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она неизвестно кому — мужу, Кришне, Дао, себе самой.

Легла на спину, посмотрела в потолок. Трещина, похожая на карту Африки, теперь казалась не трещиной, а **дорогой**. Дорогой, по которой можно бежать в белых одеждах, если перестать бояться.

Она закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений. И во сне, где-то на самом дне, ей приснилось, что она **бежит**. Не одна, а с воинами. И впереди, в белом потоке, мелькают две маленькие фигуры: девочка с бантами и седой мужчина, который оглядывается и улыбается. Она машет им рукой.

И не просыпается.

Глава 6. Тайный танец

Утро после боя с любимым было тихим. Она проснулась от того, что солнце светило прямо в глаза — она забыла задернуть шторы. На подоконнике стояли уже три цветка: белый, серый, синий. Она посмотрела на них и почему-то вспомнила строки из «Дао дэ цзин», которые никогда не понимала раньше:

«Тридцать спиц сходятся в одной ступице. Именно пустота между ними делает колесо полезным» (глава 11).

— Пустота, — прошептала она. — Вот оно что. Моя жизнь была колесом, а я всё время думала, что важны спицы. А важна дыра посередине.

Кошка зевнула, потянулась и спрыгнула с кровати. Обычное утро. Но что-то было не так. Вернее, так — *так*, как никогда раньше. Внутри не было ни тревоги, ни ожидания. Была **лёгкость**, как будто она сбросила не груз, а саму привычку к грузу.

Она встала, сходила на кухню, сварила кофе. И вдруг, когда наливала молоко в кружку, зеркало над раковиной **мигнуло**.

Не отразило, а мигнуло — как экран телевизора, который включают и сразу выключают. Она замерла. В зеркале, на долю секунды, она увидела не себя, а **другую женщину**. Старую, с белыми как лён волосами, в простой холщовой одежде.

де, с глазами, в которых не было возраста. И эта женщина смотрела на неё не как на отражение, а как на **дочь**.

— Ты готова? — спросило зеркало голосом, похожим на шелест бамбука.

— К чему? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— К танцу. Не с мужчиной. С самой пустотой.

И зеркало перестало быть зеркалом. Оно стало **дверью** — белой, без ручки, но она знала, что её надо просто толкнуть. Она толкнула.

В бамбуковой роще

Она шагнула и оказалась в месте, которое нельзя было назвать ни сном, ни явью. Это была **роща**. Бамбуки росли не вверх, а во все стороны — как если бы кто-то перепутал верх и низ, но это не было ошибкой, а было **законом**. Ветки уходили в небо, в землю, вбок, и все они были полупрозрачными, так что сквозь них просвечивали звёзды.

Посреди рощи стояла та самая женщина из зеркала. Старая, но не дряхлая — скорее, **вековая**, как гора или старый дуб. Она сидела на камне и перебирала чётки из сушёных семян.

— Садись, — сказала она, не поднимая глаз. — Ног у тебя нет, так что садиться нечем. Просто будь там, где ты есть.

Она послушалась. «Быть там, где есть» оказалось удивительно легко — она просто перестала пытаться куда-то идти.

— Меня зовут Ли, — сказала старуха. — Хотя имя — это звук, которого нет в пустоте. Я здесь, чтобы научить тебя рожать себя. Не ребёнка, не тень, не мужа. А **себя**. Ту, которая никогда не рождалась, потому что всегда была.

— Я не понимаю, — призналась она.

— Сейчас поймёшь. — Ли подняла голову, и в её глазах она увидела всё: бамбук, звёзды, Кришну, воинов, свою мать, свою нерождённую дочку, своего бывшего мужа. Всё это жило в двух маленьких старческих зрачках, не смешиваясь, но и не разделяясь.

— Ты слышала о **у-вэй**? — спросила Ли.

— Недеяние. Дао дэ цзин.

— Верно. Но ты думала, что недеяние — это ничего не делать. А это **делать, не делая**. Как бамбук: он растёт, но не старается. Как река: она течёт, но не выбирает русло. Твоя жизнь была сплошным старанием: проработать, отпустить, освободиться. А теперь попробуй **не стараться**.

Она закрыла глаза. Внутри что-то расслабилось — не мышцы (их не было), а **намерение**. Тысяча маленьких «я должна», «я хочу», «я боюсь» затихли, как насекомые перед дождём.

— Хорошо, — сказала Ли. — А теперь **танец**. Не тот, где ты двигаешься. А тот, где ты позволяешь двигаться через себя.

Старуха подняла руки. И из кончиков её пальцев, как из родников, пошла **тишина**. Не звук, а именно тишина —

плотная, тёплая, живая. Она обтекла пространство и коснулась её.

И она **поплыла**. Не ногами, не телом — а тем, чем можно плыть только в пустоте. Тишина вела её по бамбуковой роще, и каждый шаг (который не был шагом) рождал в воздухе **след** — тонкую белую нить.

— Ты танцуешь Дао, — сказала Ли. — В «Бхагавад-гите» есть такие слова: *«Тот, кто видит действие в бездействии и бездействие в действии, — тот мудр среди людей»* (4.18). Сейчас ты видишь: танец без танцора. Любовь без любимого. Бой без врага.

Она не отвечала. Она **была** танцем. Внутри неё (или снаружи — границы исчезли) проступили образы: вот она маленькая, учится ходить и падает; вот она подросток, первый раз целуется в подъезде; вот она рождает — не дочь, а **себя**, взрослую, седую, мудрую. И в каждом из этих образов она видела одно и то же: пустоту, которая всё это породила.

— Ты поняла? — спросила Ли, когда танец замедлился.

— Кажется, да, — ответила она. — Я никогда не рождалась. Я всегда была. Просто надела тела, как одежду. Сначала маленькое тело, потом молодое, потом старое. Но та, кто носит одежду, — не одежда.

— Именно. Ты — **носительница**. И ты умрёшь. Но не сейчас. А когда тело перестанет быть полезным. Как старая чашка, которую разбивают, чтобы из глины слепить новую.

Она замерла. Смерть — вот о чём молчали все предыду-

щие главы. Смерть матери, смерть любви, смерть молодости. А теперь — её собственная.

— Ты боишься, — сказала Ли не вопросом, а утверждением.

— Боюсь.

— Хорошо. Страх — это тоже часть танца. Не борись с ним. *«Тот, кто принимает себя таким, какой он есть, становится тем, кем может быть»* (Лао-цзы, глава 22, перефразировано). Прими, что боишься. И спляши этот страх.

Она закрыла глаза и снова двинулась. Но на этот раз танец был другим: медленным, тяжёлым, как вода, в которой тонешь. Страх поднимался из живота (у неё снова был живот — учебный, временный), подкатывал к горлу, хотел вырваться криком. Но она не кричала. Она **позволяла** ему быть.

И вдруг страх перестал быть страхом. Он стал **энергией** — тёмной, густой, но не враждебной. Как земля под ногами. Как корень, который держит дерево.

— Ты поняла главное, — сказала Ли. — Страх — это не враг. Это стена, которая становится дверью, если перестать в неё упираться. А теперь иди. Ты готова к последней встрече.

— К какой?

Ли улыbnулась. В её улыбке мелькнула бесконечность — та самая, что в глазах Кришны и воинов.

— С телом. Настоящим. Тем самым, которое ты считала собой, но оно всего лишь дом. Пришло время поговорить с ним. Попрощаться. Или не прощаться, а просто **увидеть**.

Старуха подняла руку, и бамбуковая роща свернулась, как занавес. Осталась только белая дверь. За ней — обычная квартира, кошка на диване, три цветка на подоконнике, и она сама, сидящая на кухне с остывшим кофе.

Она открыла глаза.

— Я здесь, — сказала она вслух. — Я в теле. Старом, больном, живом.

И в ответ — не голос, а **ощущение**: всё тело улыбнулось. Каждая клетка. Каждый позвонок. Каждая морщина.

— Спасибо, что носила меня, — сказала она телу. — Ещё не время прощаться, но уже время любить.

И она допила холодный кофе, встала, подошла к подоконнику и по очереди коснулась трёх цветков: белого, серого, синего.

Там, где она коснулась синего, из лепестков вдруг вырос четвёртый. **Красный**, маленький, как капля крови.

Она не удивилась. Она улыбнулась.

— Здравствуй, жизнь, — сказала она. — Ты всегда начинаешься с красного.

Глава 7. Болезнь и отчаяние

Четвёртый цветок — красный — стоял на подоконнике три дня. Она смотрела на него и почему-то вспоминала не кровь, а **утреннюю зарю**. Тот час, когда небо ещё тёмное, но край уже алеет, и неизвестно: то ли ночь кончается, то ли пожар где-то далеко.

На четвёртый день она пошла к врачу. Обычный профилактический осмотр — возраст, пятьдесят три, пора проверить всё, что может болеть. Она сидела в очереди, листала журнал про здоровье, и вдруг поняла, что **не боится**. Со всем. Ни капельки. Это было странно — раньше она дрожала перед каждым походом в поликлинику, накручивала себя, искала в интернете симптомы.

Сейчас внутри была тишина. Та самая пустота из колеса. — Иванова Анна Петровна? — позвала медсестра.

Она встала. Пошла. Улыбнулась врачу — молодой женщине в очках, которая смотрела на неё с усталым сочувствием.

— На что жалуетесь?

— Ни на что. Просто проверка.

Осмотр занял полчаса. Анализы, маммография, УЗИ. Врач что-то записывала, хмурилась, потом посмотрела на неё поверх очков.

— Анна Петровна, у вас есть родственники?

— Дочь взрослая. Живёт отдельно.

— Надо бы ей приехать. Мы нашли образование. В молочной железе. Пока не знаем, какое. Нужна биопсия.

Она кивнула. Не дрогнула. Только внутри, где-то в районе того самого кома, который она считала уже рассосавшимся, шевельнулось что-то тёмное.

— Запишите на биопсию, — сказала она спокойно. — Я приду.

Врач посмотрела на неё с удивлением. Обычно пациентки в таких случаях или плачут, или задают сто вопросов. А эта встала, взяла направление и вышла, как будто за хлебом.

Дома

Она сидела на кухне, смотрела на четыре цветка. Белый, серый, синий, красный.

— Ну вот, — сказала она вслух. — Я и не знала, что четвёртый цветок — это диагноз.

Кошка тёрлась о ноги. За окном шёл дождь. Она взяла телефон, набрала дочь.

— Алло, мам? — голос дочери был сонным, хотя уже вечер.

— Привет, Лен. Ты не могла бы приехать на выходные? У меня... небольшие новости.

— Какие?

— Врач нашёл что-то. Сказала сделать биопсию.

Молчание. Потом тихое:

— Я завтра буду.

Она положила трубку и вдруг почувствовала, как пол уходит из-под ног. Не в переносном смысле — реально. Пол стал мягким, как болото, и она начала проваливаться.

Но это был не обморок. Это был **вход**.

Она снова оказалась в пустоте. Только пустота была не тёплой и не светлой, а **чёрной**. Абсолютно чёрной, как зрачок, в который смотришь слишком долго.

— Привет, мать, — раздался голос из черноты.

Тень. Та самая двадцатитрёхлетняя, которую она обняла в третьей главе. Но теперь тень не была ни девочкой с бантами, ни юной бунтаркой. Она была **чем-то иным** — взрослым, тяжёлым, похожим на комок спрессованной тьмы.

— Ты же ушла, — сказала она. — Я тебя обняла. Ты стала цветком.

— Я ушла, — согласилась тень. — Но не навсегда. Я — это ты. Твоя боль, твоя смертность, твоё «когда-нибудь кончится». Ты думала, что одного объятия хватит на всю жизнь? Нет. Боль возвращается. В новой форме.

— В виде рака?

— В виде страха перед раком. Какая разница, что там у тебя в груди — киста, опухоль, ничего? Важно, что ты **испугалась**. Твой страх позвал меня обратно.

Она хотела возразить — сказать, что не испугалась, что была спокойна. Но тень засмеялась, и смех был как треск льда под ногами.

— Не ври себе, мать. Ты испугалась. В тот самый миг, когда врач сказала «образование», твоя душа сжалась. Ты вспомнила, как умирала мать. Как она худела, как пахло от неё лекарствами, как она смотрела в потолок и шептала: «Я не хочу». Ты боишься не рака. Ты боишься **повторить её путь**.

Она закрыла глаза (хотя глаз в пустоте не было). Тень была права.

— Что мне делать? — спросила она.

— Вернись в тело, — сказала тень. — По-настоящему. Не в учебное, а в то, которое болит по ночам, которое просит пить, которое стареет. Вернись в него — и умри.

— Умереть?

— Да. Прямо сейчас. Не физически. А **эго-смерть**. Та самая, о которой ты читала в книгах. Умереть как та, кто боится диагноза. И родиться как та, кто видит сквозь диагноз пустоту.

Тень шагнула к ней. В черноте проступило лицо — не двадцатитрёхлетнее, а **её собственное**, но постаревшее на двадцать лет: морщины глубже, глаза более изможденные, волосы совсем белые.

— В «Бхагавад-гите», — сказала тень, — есть слова: *«Как человек снимает старые одежды и надевает новые, так и душа входит в новые тела, оставляя старые»* (2.22). Ты думала, что это про смерть. А это про жизнь. Каждый миг — это смена одежды. Диагноз — просто новая рубашка. Не нра-

вится цвет? Сними. Но сначала надень.

— Как? — спросила она шёпотом.

— Скажи телу: «Я вижу тебя. Ты болеешь — я вижу. Ты боишься — я вижу. Ты смертно — я вижу. Но я — не ты. Я — та, кто смотрит».

Она открыла рот, чтобы повторить — и вдруг почувствовала **тело**. Настоящее. С тяжёлой головой, с ноющей поясницей, с комом в горле. Она не выпадала из пустоты — она **удерживала** и то и другое сразу. Сознание — как два берега одной реки.

— Я вижу тебя, тело, — сказала она. — Ты боишься. Я тоже боюсь. Но мы вместе. Я не брошу тебя, даже если придётся умирать.

И в ответ тело **выдохнуло**. Не она выдохнула — тело само, как будто его сдавили, а теперь отпустили.

Чернота вокруг стала светлеть. Тень улыбнулась — не зло, а **понимающе**.

— Молодец, мать. Ты сделала первый шаг. Теперь иди к врачам, делай биопсию, пей таблетки. Но помни: ты не результат биопсии. Ты — та, кто смотрит на биопсию.

— А если рак?

— Если рак — будешь смотреть на рак. И лечить. И, может быть, умрёшь. Но умрёт тело. А ты... — тень развела руками, показывая на пустоту, которая стала розоватой, как небо перед рассветом, — ты уже знаешь. Ты уже была там. В бесконечной улыбке. Кришна ждёт. И воины. И девочка.

И твоя мама. Все они там.

— И ты? — спросила она.

— И я, — сказала тень. — Но я всегда буду возвращаться. Потому что боль — это часть пути. Без неё ты бы не научилась плыть.

Пробуждение

Она открыла глаза. Лежала на полу кухни — видимо, сползла со стула. Кошка сидела рядом и обеспокоенно смотрела. На подоконнике горели четыре цветка — белый, серый, синий, красный.

Она села. Голова кружилась, но внутри было **ясно**. Как горное озеро, в которое смотришь с высоты.

Она взяла телефон, увидела смс от дочери: «Мам, я через три часа буду. Держись».

Написала в ответ: «Держусь. И не только держусь. Танцую».

Пришёл ответ: «Ты что, пила?»

Она рассмеялась. Громко, от души, так, что кошка испугалась и убежала.

Нет, не пила. Просто поняла то, что в «Дао дэ цзин» написано коротко и ясно:

«Тот, кто познал себя, не боится потерь. Тот, кто обрёл себя, не боится смерти» (глава 33, перефразированно).

Она встала, поставила чайник, достала чашку. На стене висело зеркало — то самое, которое вчера (или в прошлой жизни?) мигнуло и стало дверью. Сейчас оно просто отражало: седая женщина в домашнем халате, уставшая, морщинистая, но с **горящими глазами**.

— Здравствуй, тело, — сказала она отражению. — Сегодня мы идём сдавать анализы. А потом — жить. Столько, сколько дадут.

Тело в зеркале улыбнулось. Глазами, губами, даже морщинами.

Она знала: биопсия покажет что-то. Может, хорошее, может, плохое. Но внутри, в пустоте, уже не было кома. Там цвёл сад. Белый, серый, синий, красный — и тысячи других цветов, которые она ещё не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.